

Иллюстрация единства партии
в журнале «Крокодил»
в контексте борьбы за власть
в середине 20-х годов XX в.

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется коммуникативная связь внутри-политической борьбы в ВКП(б) с сатирическим журналом «Крокодил» (приложение «Рабочей газеты»), выходившим массовым тиражом. Обычно иллюстрации «Крокодила» не изображали реальные мотивы политического противоборства, их задача сводилась к тому, чтобы показать неприятие любой партийной оппозиции как таковой. Но в декабрьском номере «Крокодила» (№ 47) за 1925 год на лицевой странице журнала вдруг появляется изображение, в котором все вожди партии заняты общим строительством, и сколько ни всматривайся в рисунок – в нем не найти главного вождя. Таков политический заказ. В статье анализируются причины того, почему стало возможным появление в сатирическом журнале явно идеологического рисунка – с попыткой, одобренной на самом вершине политической власти – изобразить именно «единство партии», а не предстоящий XIV съезду партии раскол, о котором многие большевики говорили уже открыто.

Ключевые слова: сталинизм, журнал «Крокодил», Лев Троцкий, Иосиф Сталин, Григорий Зиновьев, история ВКП(б)

Для цитирования: Юрганов А. Л. Иллюстрация единства партии в журнале «Крокодил» в контексте борьбы за власть в середине 20-х годов XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 135–145. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-135-145

Illustration of party unity in the magazine “Crocodile”
in the context of the struggle for power in the mid-20s

Andrey L. Yurganov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, iurganov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the communicative connection between the internal political struggle in VKP(b) and the satirical magazine “Crocodile” (a supplement to “Rabochaya Gazeta”), which was published in mass circulation. Usually the Crocodile illustrations did not depict the real motives of the

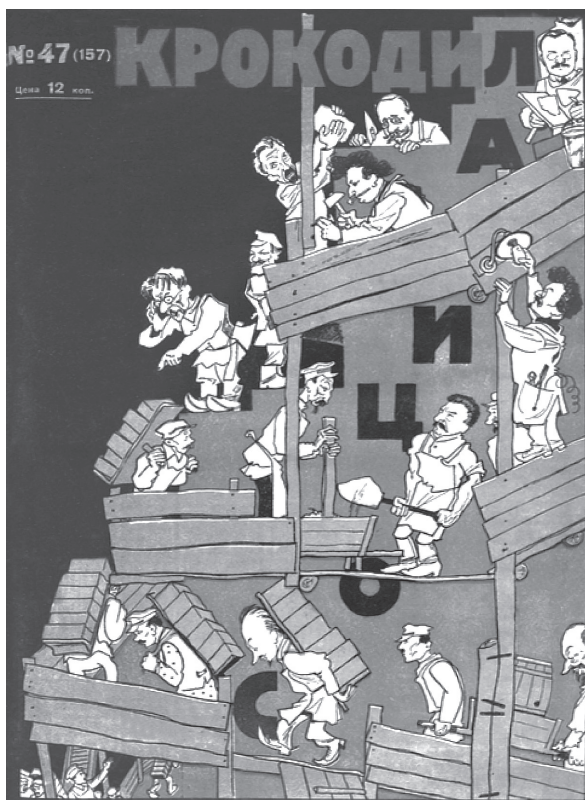
political struggle; their task was to show the rejection of any party opposition as such. But in the December 1925 issue of “The Crocodile” (No. 47), the front page of the magazine suddenly displays an image in which all the party leaders are busy with general construction, and no matter how much you look at the picture – you will not find the main leader in it. Such was a political order. The article analyzes the reasons for the possibility of an appearance of an obviously ideological drawing in a satirical journal – with an attempt, approved at the very top of the political power – to portray exactly the “unity of the party”, and not a split that was about to happen ahead of the XIV Congress of the party, about which many Bolsheviks were speaking openly.

Keywords: Stalinism, “Crocodile” magazine, Leo Trotsky, Joseph Stalin, Grigory Zinoviev, history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)

For citation: Yurganov, A.L. (2020), “Illustration of party unity in the ‘Crocodile’ magazine in the context of power struggle in the middle of 20-s of the 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 135-145, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-135-145

То, что происходило в партии большевиков в середине 20-х годов, необходимо было транслировать в советское общество – и таким образом транслировать, чтобы не возникало недопонимание между партией большевиков и широкими массами людей, читавших, например, сатирический журнал «Крокодил» (приложение к «Рабочей газете» с поистине огромным тиражом). Такая коммуникация призвана была объяснить политическую ситуацию и предупредить нежелательные комментарии. Но иллюстрации не изображали реальные мотивы политического противоборства, их задача сводилась к тому, чтобы показать неприятие любой партийной оппозиции как таковой, а затем подвергнуть эту невозможную для партии ситуацию оскорбительному осмеянию через домысливание и художественное оформление оскорбительных символов. Общественному осмеянию подвергались не реальные мысли оппозиционных лидеров, а их *воображаемые* личные сущности. При такой идеологической проработке общественного сознания человек мог не принимать оппозицию не потому, что она мыслит ошибочно, а потому лишь, что ее уже представили в унижительных образах – в сатирическом глумлении.

Однако в декабрьском номере «Крокодила» (№ 47) за 1925 г. на лицевой странице журнала изображено, как все вожди партии заняты общим строительством, и сколько ни всматривайся в рисунок – не найти главного среди них: все равны! Для появления такой иллюстрации имелись серьезные основания. Причем такие основания, которые говорят о заинтересованности в подобном изображении на самом верху партийной власти.

«Крокодил». 1925. № 47. С. 1

В определенном смысле этот рисунок – символ уходящей эпохи, эпохи вождей, когда в партии еще не определился главный лидер. Однако изобразить эту эпоху вождей революции хотел именно тот, кто больше всех рвался к единоличной власти – сам Сталин. Рассмотрим эту иллюстрацию в историческом контексте подготовки и проведения XIV съезда партии большевиков, чтобы понять, почему была необходима именно такая картинка.

Итак, кто из вождей партии изображен?

Если «спускаться» сверху вниз, то мы увидим таких партийных лидеров: В.М. Молотова, Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова, Г.Е. Зиновьева, М.И. Калинина, Ф.Э. Дзержинского, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина. Другие лица, хотя и видны, но могут быть узнаны только с долей вероятности.

Итак, абсолютное равенство вождей партии до такой степени выдержано в рисунке, что требует своего объяснения, – почему так?

Номер журнала появился буквально в первые дни работы XIV съезда партии большевиков. Под рисунком написано: «Иллюстрация “Крокодила” к политическому и организационному отчету ЦК РКП». Время появления журнала можно уточнить. «Крокодил» выходил четыре раза в месяц: это значит, что № 47 за декабрь должен был выйти на третьей неделе декабря. Съезд начался 18 декабря, закончился 31 декабря 1925 г. Политический отчет ЦК произнес И.В. Сталин 18 декабря. Публикация его речи в «Правде» вышла 20 декабря. 23 декабря Сталин произнес уже «Заключительное слово» по политическому отчету, из которого следовало, что в партии возникла мощнейшая оппозиция и никакого, даже формального, единства уже нет: значит, номер «Крокодила» вышел в промежутке работы съезда – с 18 до 23 декабря. Если учесть, что «Правда» не в тот же день опубликовала речь Сталина, промежутки этот может быть еще уже – с 20 до 23 декабря.

По традиции считалось, что первым лицом в партии является тот, кто зачитывает «политический отчет ЦК». На XIII съезде партии этим первым лицом был Г.Е. Зиновьев. Теперь же власть переходила в руки Сталина.

Наметился масштабный поворот в кадровой политике...

В политическом отчете ЦК, прочитанном Сталиным, ничего не было сказано о Троцком и троцкизме, хотя только что прошла гигантская «литературная дискуссия» по поводу «Уроков Октября», а в январе 1925 г. состоялся Пленум ЦК и ЦКК, на котором Сталин объявил о «ревизии ленинизма». Он сказал также, что Троцкий не признал свои ошибки. Но он не сделал этого и потом – так что вопрос об ошибках Троцкого был открыт, а не закрыт...

И вот теперь – удивительное молчание в «политическом отчете ЦК». Напротив, журнал «Крокодил» убеждает людей, что в партии нет разногласий! Таков пафос, явно исходящий от партийного руководства страны. Хотя очевидно, что этот рисунок скрывает реальность противоположную – ожидание тяжелейшего кризиса и появление новой оппозиции.

Итак, Троцкий оказался фигурой умолчания на XIV съезде партии. Никаких «итогов» по литературной дискуссии не прозвучало.

Как такое стало возможным, если «отчет» по смыслу своему требует отчитаться о том, что было дискуссионным в партии? Ведь Троцкий не признал себя неправым!

Эта странная коллизия обретает свою логику, если согласиться с Н. Валентиновым (Вольским), одним из самых информированных свидетелей той эпохи, который сообщает, что в конце марта –

начале апреля 1925 г. состоялась тайная встреча Троцкого и Сталина – «и после долгого объяснения (они) будто бы решили помириться»¹. Об этом рассказал ему Д.Б. Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса.

Объясняя мотивы Сталина, Валентинов назвал такую причину, которая не выглядит убедительно (что, собственно, и мешает поверить в саму встречу), – якобы генсек хотел, чтобы без критики его действий в Гражданскую войну переименовали Царицын в Сталинград. Что касается Троцкого, то его мотивы, по крайней мере внешне, не выглядят сомнительными: он хотел продолжить издавать свои сочинения, а в качестве бонуса за лояльность получить должность руководителя ВСНХ².

Но почему эта встреча, не подтвержденная пока документально, с высокой вероятностью могла быть? Настолько, что без этого звена в политических событиях трудно понять саму внутривнутрипартийную борьбу (более подробный анализ см.: [Васецкий 1992, с. 223; Тагер 2006, с. 203–269; Апальков 2017]).

Обратимся к предшествующим событиям.

Л.Д. Троцкий сам допустил такое соглашение, когда в мае 1924 г. на проходящем XIII съезде партии сказал, к великому огорчению своих поклонников и особенно поклонников его «Нового курса» (1923), что «никто не может быть правым против своей партии. Правым можно быть только с нею». Многие его сторонники считали это заявление предательством, потому что под «партией» явно понималось ее руководство³.

С 27 по 29 апреля 1925 г. проходила Четырнадцатая партийная конференция, предварявшая собой партийный съезд в декабре 1925 г. Что странно? Троцкий не стал ее делегатом, а Сталин не выступал вообще, предоставив право открывать и закрывать конференцию Л.Б. Каменеву. По партийным вопросам выступал В.М. Молотов, о сельскохозяйственном налоге говорил А.Д. Цюрупа, о кооперации – А.И. Рыков, о металлопромышленности – Ф.Э. Дзержинский, о задачах Коминтерна и РКП – Г.Е. Зиновьев, о революционной законности – А.А. Сольц. Прозвучал также теоретический доклад Н.И. Бухарина.

---

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. С. 289.

² Н. Валентинов писал: «Вскоре, именно после слуха об этой таинственной встрече, появилось сообщение, что Троцкий назначен членом президиума ВСНХ, начальником Электротехнического управления, председателем научно-технического отдела ВСНХ и председателем Главного Концессионного Комитета» (Валентинов Н. (Н. Вольский). Указ. соч. С. 289).

³ Там же. С. 286.

Чтобы Троцкий смирился с отсутствием приглашения на конференцию, а Сталин промолчал на ней – требовались условия; и только предварительный тайный сговор между ними мог бы объяснить их неучастие в обсуждении важных вопросов на партконференции, а значит, и кадровых результатов будущего съезда...

Троцкий мог пойти на временный союз со Сталиным лишь при одном условии – оно, скорее всего, и было озвучено Сталиным на тайной встрече. Генсек мог сообщить, что назрела пора отодвинуть от высшей власти в партии Г.Е. Зиновьева, а с ним и всю ленинградскую организацию. Иначе говоря, собрать съезд именно в Москве, самому прочитать политический отчет ЦК и таким образом сместить Г.Е. Зиновьева. Это был главный пункт всей борьбы – политический отчет ЦК и место встречи.

На XIII съезде в 1924 г. было решено, что следующий съезд пройдет в Ленинграде, – подразумевалось, что Зиновьев вновь прочитает политический отчет ЦК и таким образом сохранит за собой место главного теоретика партии. Однако ЦК партии во главе со Сталиным принял решение проводить съезд в Москве.

Валентинов писал:

Встреча, несомненно, состоялась, но где, когда? Можно предположить, что она произошла на Кавказе, там первые месяцы 1925 г. жил Троцкий. Что же касается даты встречи, ее нужно отнести, вероятно, к концу марта или началу апреля. У той, как и у другой стороны, были веские причины встречу замалчивать. Нужно знать, что в политическом образовании, которое Рязанов называл «Закаси» (Зиновьев, Каменев, Сталин), – т. е. тройке, господствовавшей в 1923–1924 гг., обнаружилась в начале 1925 г. трещина: Зиновьев начал «брыкаться». У него не было стычки личного характера со Сталиным, различия в понимании ленинизма и разногласия в вопросе о построении социализма в одной стране. У Сталина, любившего, как говорилось тогда, «финтить» (позднее это называлось «маневрированием»), явилась мысль сильнейшим образом вооружить Троцкого против Зиновьева. Нельзя допустить, чтобы в Политбюро Зиновьев выступал вместе с ним. Помешать их опасному единению он мог, толкая Троцкого против Зиновьева. Это легко можно было сделать: Сталину нужно было только рассказать со всеми подробностями, как Зиновьев в конце 1924 г. пускал самые отвратительные средства, чтобы выбросить Троцкого из Политбюро и даже из партии⁴.

---

⁴ Там же. С. 323–324.

Косвенно о тайном створе Троцкого и Сталина свидетельствует история письма Троцкого, опубликованного в июльском номере (№ 16) журнала «Большевик» за 1925 год по поводу книги американца Макса Истмена «Since Lenin Died» («После смерти Ленина»), в которой тот повторил многие слова и мысли Троцкого, записанные при личных встречах.

Троцкий ответил, что не было никакого ленинского «завещания», а в партии царит единодушие...

Валентинов полагал, что это ужасное для репутации оппозиционера письмо, Троцкий написал, поскольку уже действовало соглашение со Сталиным, согласно которому он получит в свои руки ВСНХ. Но чтобы никто из верхушки партии (ни Рыков, ни Бухарин, ни Томский, ни Ворошилов) не препятствовали назначению, самому Троцкому следовало показать лояльность. Валентинов отмечал:

Сознательным искажением фактов, им самим установленных, критикой книги Истмена он старался показать, что за последнее время сильно изменился. Теперь должно быть понятным, почему о своей встрече обе стороны (Сталин и Троцкий. – А. Ю.) считали нужным умалчивать. Троцкому нужно было скрыть, что он рассчитывал на содействие Сталина для «прыжка выше», а Сталину – скрыть, что «умасливал» Троцкого с целью беспрепятственного переименования Царицына⁵.

Конечно, не переименование Царицына беспокоило Сталина, волновал его вопрос о власти – в самый решающий момент ее взятия под свой контроль.

Здесь важно увидеть политический контекст, не замутненный последующими заявлениями. Троцкий, публикуя «Уроки Октября» осенью 1924 года, боролся не со Сталиным – которого даже не упомянул – а с Зиновьевым и Каменевым. Он напомнил им не только об «октябрьской ошибке», но и упрекнул еще и в трусости. Вся партия большевиков бросилась тогда защищать Зиновьева и Каменева, и только Сталин, не претерпевший от прозвучавшей критики никакого урона, отбивал атаки на Троцкого, как мог.

В своем «Заключительном слове» к политическому отчету на XIV съезде Сталин сказал, что в конце 1924 г. именно ленинградская парторганизация требовала вывести Троцкого из Политбюро:

---

⁵ Валентинов Н. (Н. Вольский). Указ. соч. С. 326.

С чего началась наша размолвка? Началась она с вопроса о том, «как быть с Троцким». Это было в конце 1924 г. *Группа ленинградцев* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) вначале предлагала исключение Троцкого из партии. Я имею тут в виду период дискуссии 1924 года. Ленинградский губком вынес постановление об исключении Троцкого из партии. Мы, т. е. большинство ЦК, не согласились с этим (голоса: «Правильно!»), *имели некоторую борьбу с ленинградцами* и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении⁶.

Сталин продолжал:

Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и *ленинградцы вместе с Каменевым* (курсив мой. – А. Ю.) потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением оппозиции, получили большинство в ЦК и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоена. Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови – а они требовали крови – опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – что же у нас останется в партии? (Аплодисменты)⁷.

Л. Троцкий, столкнувшись с оппонентами «Уроков Октября», не мог не заметить, что среди самых кровожадных и жаждающих места были именно «ленинградцы». Один из них, Г. Сафаров, учинил ему настоящее «кровопускание» в 1924 г., выпустив в свет брошюру «Троцкий о Ленине и ленинизме», в которой он грубо обрушился на Троцкого, обвиняя во всех смертных грехах.

Но вернемся к Сталину. Генеральный секретарь партии большевиков знал – как и все вокруг – что партией может руководить только вождь-теоретик, а он таковым не был признан. «Теоретиков» было немного, и на первых порах Сталин был вынужден лавировать между ними таким образом, чтобы наносить смертельные удары одним из них при помощи других. Чтобы победить Зиновьева, Сталину необходимо было заручиться нейтралитетом Троцкого.

Так оно и случилось: Троцкий сидел в президиуме XIV партийного съезда и не проронил ни слова.

Он видел, как отчаянно боролся со Сталиным его главный в то время враг – Зиновьев, который обратился к президиуму съезда с

⁶ *Сталин И.В.* Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета // *И.В. Сталин. Сочинения. Т. 7.* 1925. М.: ОГИЗ, 1947. С. 379.

⁷ Там же. С. 379–380.

просьбой разрешить, согласно Уставу партии, сделать политический содоклад. Это означало, что Зиновьев и ленинградская организация партии превращались в оппозицию большинству. Они невольно становились противниками резолюции X съезда «О единстве партии», которую сталинская группировка рассматривала как главное оружие в борьбе за власть.

Содоклад – это принципиально *другой* политический отчет Центрального Комитета.

Но ведь на партконференции в апреле 1925 г. не было никаких принципиальных разногласий, кроме обсуждения одного неудачного высказывания Бухарина, от которого тот сразу же отрекся.

Хитрость Сталина состояла в том, что он сам не выступал на партконференции, не давал повода думать, что рвется к власти, а в нужный момент решительно взял под контроль ситуацию со съездом. Если Зиновьев не критиковал решения партконференции в апреле 1925 г. – а повода не было, – то ему было гораздо труднее найти аргументы, которые показывали бы съезду принципиальные разногласия, а не только личное стремление к власти. Ведь всякая партконференция перед съездом – это почва готовящихся решений, время их согласования.

Интересно, что в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев умудрился перепутать два съезда – XIV и XV, – но сам дух произошедшего события с переменой руководства передал абсолютно верно:

На XV партсъезде (XIV. – А. Ю.) развернулась очень острая борьба с зиновьевцами. Ленинградская делегация выступила с письмом в президиум съезда и потребовала на основе Устава ВКП(б), чтобы от этой делегации выступил содокладчик. Они выдвинули Зиновьева и хотели, чтобы он сделал содоклад к докладу Сталину. Я сейчас точно не могу вспомнить, но, по-моему, на XIV съезде партии доклад делал еще Зиновьев, а Сталин выступал с содокладом по оргвопросу. А на XV съезде (XIV. – А. Ю.) Сталин уже делал доклад. Это было для нас, делегатов съезда, вполне понятным, выявились разные точки зрения, разная политика, в ЦК партии наметились большинство и меньшинство. Поэтому должен делать доклад не Зиновьев, как было раньше, после смерти Ленина, а Сталин⁸.

И, пожалуй, самое ценное из того, что он вспомнил о XIV партсъезде – это переданная атмосфера ожидания партийного раскола:

---

⁸ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 88.

Помню, когда мы приехали на съезд, уже, как говорится, воробы обо всем чирикали, и довольно громко был слышен в народе глас, *даже и для обывателей* (курсив мой. – А. Ю.), что в партии наметился глубокий раскол⁹.

Вот, собственно, что означала эта странная иллюстрация в «Крокодиле». В ней нет правды о единстве партии, зато «читается» *последний аккорд* политической игры Сталина против двух его врагов – с одним удалось обманым путем договориться, а с другим – расправиться на съезде.

Иллюстрация в журнале «Крокодил» выражает собой особое сталинское лицемерие, ставшее политическим приемом борьбы с врагами. Хрущев, вспоминая то время, писал:

Он играл на чувствах людей, желая показать свою терпимость, свою волю к единству партии и, если не уважение, так хотя бы терпимость к мнениям других членов коллектива, в котором он работал. Это был обман, это был расчет, он хотел забросить удочку, грубо говоря, и на крючок ловить людей, которые хотели правильно его понимать. И я в том числе тоже явился жертвой сталинской уловки¹⁰.

Вот так не только слова Сталина, обращенные к партии, но и картинка в журнале «Крокодил» участвовала в создании коллективной иллюзии единства партии – весьма эффективной в своей суггестии, – за пределами которой шла жестокая и беспощадная борьба на уничтожение.

Литература

- Апальков 2017 – *Апальков Д.И.* Внутриполитическая борьба в РКП(б) – ВКП(б) (1920-е – начало 1930-х гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
 Васецкий 1992 – *Васецкий Н.А.* Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. 350 с.
 Такер 2006 – *Такер Р.* Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2006. 880 с.

References

- Apal'kov, D.I. (2017), *Vnutripoliticheskaya bor'ba v RKP(b) – VKP(b) (1920 – nachalo 1930)* [Internal political struggle in the RCP (b) – VKP(b) (1920s – early 1930s)], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
 Taker, R. (2006), *Stalin. Istoriya i lichnost'* [Stalin History and Personality], Ves' mir, Moscow, Russia.
 Vasetskii, N. (1992), *Trotskii: Opyt politicheskoi biografii* [Trotskii an essay of the political biography], Respublika, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Yurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; Iurganov@yandex.ru